

УДК 81'366:398.224(=571.512)
DOI 10.25587/p1754-7441-6801-p

Н. В. Малышева, М. А. Осорова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ФИТОНИМОВ И СПОСОБЫ ЕЕ ОПИСАНИЯ В ЯЗЫКЕ ОЛОНХО (на примере олонхо «Ала-Булкун»)

Аннотация. Статья посвящена исследованию словообразовательной системы фитонимов и способов ее описания в языке эпического произведения «Ала-Булкун» («Аланхаҕа төрөөбүт айаас ала аттаах Ала-Булкун бухатыыр»). Несмотря на важность изучения наименований растительного мира, вопрос фитонимической лексики якутского языка до настоящего времени не являлся объектом специального изучения. Исследование направлено на определение способов интерпретации фитонимов в языке олонхо, а также выявление особенностей их описания. Материалом исследования послужили номинации, обозначающие названия растений в якутском языке, почерпнутые нами из текста эпического произведения «Ала-Булкун». В исследовании был применен описательный метод и использованы элементы морфологического анализа номинаций, а также проведена классификация лексем по лексико-семантическим группам. Анализ номинаций фитонимов в тексте олонхо «Ала-Булкун» позволил выявить особенности национальной культуры якутов, а также различные устойчивые языковые формулы, присущие якутскому языку. В ходе работы было выявлено 8 номинаций фитонимов растений якутского языка. Общее количество упоминаний номинаций с фитонимами в тексте эпического произведения составляет 83, т. е. про дерево (28), лиственницу (25), ель (12), траву (5), берёзу (3), сосну (1) и хвощ (1). Тимофей Васильевич Захаров – Чээбий описывает названия растений в тексте олонхо с нейтральной, положительной и отрицательной коннотацией в зависимости от контекста. Помимо вышеперечисленного в ходе исследования нами были изучены фитонимы с различной языковой, стилистической мотивированностью. Так, в тексте олонхо встречается фитолексика, образованная посредством отражения признаков растения, через метафору, омонимию, гиперболу и сравнение, передающие сходство растений с каким-либо животным, человеком или явлением. Фитонимы, описанные в олонхо, характеризуют все богатство, уникальность и многообразие его языка. При помощи различных языковых средств автор описывает приключения героев и местность, где происходят события олонхо, придавая им эмоциональную окрашенность и экспрессивность.

Ключевые слова: эпос, олонхо, язык олонхо, этнолингвистика, языковые приемы, номинация растений, якутский язык, словообразование, фитонимы, фитонимическая лексика, растительная лексика, описание фитонимов.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Гранта Президента РФ МК-427.2020.6 «Комплексное исследование якутской лексики живой природы: этимология, лингвогеография и лингвокультурология»

МАЛЫШЕВА Нинель Васильевна – к. филол. н., доцент каф. «Социально-культурный сервис и туризм» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: ninel_malysheva@mail.ru

ОСОРОВА Марина Анатольевна – ведущий специалист отдела развития молодежной науки Департамента науки и инноваций Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: me.marine@mail.ru

MALYSHEVA Ninel Vasilevna – Candidate of Philological Sciences, Asst. Prof. of the “Social and Cultural Service and Tourism” Chair, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: ninel_malysheva@mail.ru

OSOROVA Marina Anatolyevna – lead-specialist in the Youth science development of the Science & Innovations Department, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: me.marine@mail.ru

N. V. Malysheva, M. A. Osorova

Word-forming system of phytonyms and ways of its description in the olonkho language: the case of *Ala-Bulkun* olonkho

Abstract. The article is devoted to the study of the word-formation system of phytonyms and the ways of its description in the language of the *Ala-Bulkun* olonkho. Despite the importance of studying the names of the plants, the issue of phytonymic vocabulary of the Yakut language has not yet been the subject of a special study. The article was aimed at identifying the ways of interpreting the phytonyms in the olonkho language, as well as identifying the features of its description. As the material of the study served the nominations denoting the names of plants in the Yakut language collected from the text of the *Ala-Bulkun* olonkho. The descriptive method was applied and elements of the morphological analysis of the nominations were used in the study. Also, the lexemes were classified into lexical-semantic groups. The analysis of phytonyms nominations in the olonkho text revealed the features of the Yakut national culture. As well as various stable language formulas inherent in the Yakut language were identified, for example, *kuekh ot* 'a green grass', *kuekh kharya* 'a green spruce', *tengke mas* 'a tall tree', *tengke tiit* 'a tall larch', *uolakh mas* 'young medium-sized tree', *uolakh tiit* 'young medium-sized larch', *khatyng mas* 'a birch tree'. 8 nominations of phytonyms of plants in the Yakut language were revealed. The total number of references to nominations with phytonyms in the text of the epic work is 83, i.e. about a tree (28), larch (25), spruce (12), grass (5), birch (3), pine (1) and horsetail (1). Timofei Vasilievich Zakharov – Cheebiy described the names of the plants in the olonkho text with neutral, positive and negative connotations depending on the context. In addition to the above, we also studied phytonyms with various linguistic and stylistic motivations.

Keywords: epic, olonkho, olonkho language, ethnolinguistics, language techniques, nomination of plants, Yakut language, word-formation, phytonyms, phytonymic vocabulary, plant vocabulary, description of phytonyms.

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the Grant of the President of the Russian Federation MK-427.2020.6 "Comprehensive study of the Yakut vocabulary of wildlife: etymology, linguo-geography and cultural linguistics"

Введение

Мир растений представляет собой особый фрагмент языковой картины мира для каждого народа. Фитонимическая лексика отражает социальную, хозяйственную и культурную деятельность жителей того или иного региона, их представление об окружающем мире. По мнению исследователей, фитонимы составляют один из древнейших пластов лексики, активно участвующих в языковой концептуализации различных явлений [1, с. 43]. На сегодняшний день фитонимы представляют собой интересный материал для научных исследований, но, к сожалению, фитонимическая лексика якутского языка до настоящего времени не рассматривалась в качестве объекта специального изучения, хотя окружающий мир для жизнедеятельности якутов издревле занимает ключевое место, а фитонимическая лексика представляется одной из базовых словарного фонда якутского языка. В связи с этим изучение одного из древнейших лексических пластов языка северных и арктических территорий – фитонимической лексики позволяет более глубоко рассмотреть и определить практическое и культурное освоение растительного мира коренными народами Севера. Якуты гармонично развивались в неразрывной взаимосвязи с растительным и животным миром, поэтому издревле позиционировали себя детьми Природы [2, с. 125; 3, с. 81]. Благодаря более детальному и глубокому исследованию фитонимической лексики якутского языка, станет возможным описание его богатого и уникального словарного состава, а также определение отношения якутского народа к окружающему миру. Фитонимическая лексика насыщена информацией о жизни народа, отражающей наиболее важные элементы его исторического становления через многие десятилетия, а то и сотни лет развития. Якутская фитонимия несет в себе огромный пласт не до конца изученных лексических единиц, и представляет собой огромный интерес с точки зрения лексикографического описания номинаций растений.

Культура каждого народа находит свое отражение в фольклоре, демонстрирующей все его богатство и разнообразие. Центральное место в фольклоре якутов занимает древний эпос олонхо, признанный Шедевром устного и нематериального наследия человечества. Эпические произведения представляют собой уникальный феномен концентрации генетической памяти, мировоззрения, философии, религиозных представлений, обрядов и обычаев, песенной и устной

сказительской традиции в виде импровизации и традиционных запевов, сохранивший на протяжении столетий культурную идентичность якутского народа. В качестве объекта исследования нами было выбрано олонхо «Ала-Булкун» («Аланхаҕа төрөөбүт айаас ала аттаах Ала-Булкун бухатыыр») [4, с. 5] сказителя Т. В. Захарова – Чээбий, записанное этнографом и фольклористом В. Н. Васильевым и подготовленное к печати для серии «Образцы народной литературы якутов, собранные В. Н. Васильевым» академиком Э. К. Пекарским. Тимофей Васильевич Захаров – Чээбий один из самых выдающихся мастеров сказительского искусства и известных олонхосутов-импровизаторов Якутии XX в. Выбор материала исследования обоснован тем, что олонхо является одним из крупных эпических произведений тюрко-монгольских народов, представляющим самый крупный жанр якутского фольклора, концентрацию генетической памяти и мировоззрения якутов, а первые записанные тексты эпических произведений хранят в себе первоначальные и архаичные реликты базовой лексики якутского языка. Установлено, что особое место в языке олонхо занимает лексика природного окружения: описания сотворения мира и заселения Среднего мира людьми, одухотворение явлений природы, выразительное изображение растительного и животного миров, красочное изложение земли, видов земного рельефа, водных объектов и поверхностей и др. Язык и стиль олонхо определяются как «высшая форма обработанной, отшлифованной устной поэтической речи» [5, с. 207].

Материалом исследования послужили номинации, обозначающие названия растений в якутском языке, почерпнутые нами из текста эпического произведения «Ала-Булкун». Целью исследования является определение способов интерпретации фитонимов в языке олонхо, а также выявление особенностей их описания. В исследовании был применен описательный метод, использованы элементы морфологического анализа номинаций, а также проведена классификация лексем по выделенным группам, и частично определена этимологическая характеристика некоторых фитонимов.

Фитонимы, обозначающие общие названия

В тексте олонхо «Ала-Булкун» общие названия растений в якутском языке переданы посредством лексем *мас* ‘дерево’ и *от* ‘трава’. Лексема *от* употребляется в олонхо пять раз с такими адъективами как *күөх*, *тоһоҕос*, *хагдан* и *хоро* и является общетюркской основой со смысловым значением «растение, трава, сено». Древнетюркский вариант слова *от* представлен в следующей интерпретации: «трава, зелень», «лекарство» [6, с. 373], в якутском же языке, согласно словарю Э. К. Пекарского, рассматриваемая основа имеет 3 основные семантические описания: 1) трава, былина, произрастание, злак; 2) стог сена, зарод; 3) остожье [7, с. 1891-1893].

Согласно Большому толковому словарю якутского языка, *күөх* трактуется как «зеленый, как только что выросшая трава, как хвоя распутившейся лиственницы» [8, Т. V, с. 79], так:

Абыс салаалаах ача күөх оттоох

Арыы наннал мастаах,

Айыһыттаах айыылаах,

Алаан-чалаан алаастааҕа эбитэ үһү [4, с. 7]. Долина-алаас просторная есть, оказывается,

Зеленые травы восьмистебельные растилаются,
Деревьями низкими, раскидистыми окруженная,
Духом добрым Айыысыт оберегаемая
говорят [9, с. 384-385].

Номинация лексемы *от* в данном контексте образована по принципу ассоциативных связей народа, т. е. непосредственно с цветом свежей зеленой травы, произрастающей на территории алааса (поле, луг в лесу полукруглой формы) [10, с. 3]. Следующие номинации образованы по принципу метафоризации, например, в предложении «Биир сиргэ, таас хайа хоонньугар тоһоҕос *от* саҕа» трава описана как ‘растущая в пазухе каменной горы’, при этом имеет отрицательный окрас, т. к. зависимое слово *тоһоҕос* обозначает «сохранившийся частично, обломившийся, неполный» [8, Т. X, с. 501]. В следующем примере «Хаардаах бугул саҕа, хагдан *от* саҕа тарайда» трава описана как ‘увядающая, лежащая навзничь, раскинувшаяся, размером со снежную кучу сена’, т. е. в данном случае ее сравнивают с лежащим человеком. Также зависимое слово *хагдан* обозначает «увядший, поплёкший, высохший» [8, Т. XIII, с. 179]. В предложении «Кукаакы көтөр кутуруга булгу ыстаммыт, хоро *от* тосту ыстаммыт» лексема *кукаакы* обозначает «птица кукша, вид сойки» [8, Т. IV, с. 449], *көтөр* «птица, пернатые» [7, Т. I, с. 1176], *кутуруга*

с основой *кутурук* «хвост у птицы, зверя» [7, Т. 1, с. 1270], *булгу* «наперелом, наизлом» [7, Т. 1, с. 543], *ыстаммыт* с основой *ыстаа* «жевать, разжевать» [7, Т. 3, с. 3829], *хоро* «жесткий, грубый (о траве)» [8, Т. X, с. 597], *от* «травя, былина, произрастание» [7, Т. 2, с. 1891], *тосту* «излом, перелом» [7, Т. 3, с. 2749], *ыстаммыт* с основой *ыстан* «делать прыжок вдаль, прыгать, скакать», что дословно переводится как «хвост кукши укушенный наперелом, жесткая трава полетевшая во все стороны», идентифицируется как метафора. Здесь автор также прибегает к использованию распространенного приема игры слов – омонимии в первой части предложения, где *ыстаммыт* обозначает «укушенный» и во второй – «прыгнувший». Коннотация лексем *от* в тексте олонхо «Ала-Булкун» имеет по большей части отрицательный окрас.

Лексика растительного мира в олонхо также представлена общим названием плода кустарниковых или травянистых растений *отон* в сочетании с различными адъективами. Номинация *отон*, по нашему предположению, была образована от основы *от*, которая обозначает «траву, былинку, произрастание» в якутском языке и упоминается в тексте 8 раз. Якутская же основа *от*, как ранее было отмечено, имеет тюркское происхождение и обозначает растения, служащие пищей для животных, лекарственные и ядовитые растения. Помимо обозначения названия плода растений *отон* также может использоваться в обозначении названия вечнозеленого кустарничка – брусники. Так, использование номинации *отон* в предложении «Алта унуохтаах *отонно* ууарарын» можно трактовать как обозначение «размеры человека, животного в высоту, рост» [8, Т. XII, с. 181], т. е. «поставьте у ягоды/брусники размером с шестерых человек/животных». Автор обратился к такой стилистической фигуре речи, как гипербола, которая в данном контексте описывает огромные размеры ягоды. Номинация *отон* в предложении «Орто дойду уон икки биһин ууһун, уон икки уулаах *отонно* холоуур буоларын» автор сравнивает определенный род якутов с ягодой, перезревшей до черноты уже двенадцать раз, что также говорит об использовании гиперболизации с целью усиления выразительности мысли. Коннотация лексем *отон* в тексте олонхо имеет по большей части нейтральный окрас.

Наименование общего названия деревянистого растения представлено в якутском языке одной номинацией *мас*, которая упоминается в олонхо «Ала-Булкун» 28 раз. Частотность употребления данной лексики свидетельствует о том, что для якутов дерево являлось священным растением и тотемизировалось. Центральное место среди сакральных деревьев занимает *Аал Луук Мас*, обычно это были лиственница, сосна или берёза. *Аал Луук Мас* символизирует жизнь, плодородие и заключает в себе таинственный дух леса, например:

Оттуммут аал уотун умуруоруохпун –
Сэттээх мас үөскээтэ,
Сэнкиллээх мас үүннэ диэн,
Тобус субан туруйа уолун тобоҕо [4, с. 8].

Огонь священный потушило бы, но –
Дерево, влекущее кару, возникло, скажут,
Дерево, несущее кару, выросло, скажут,
Девяти юношей-журавлей вольных последыш
[9, с. 389].

Номинация *сэттээх* трактуется как «влекущий за собой кару, возмездие; вещей, проникновенный» [8, Т. IX, с. 619] и *сэнкиллээх* с производной основой *сэнкил* обозначает «наказание, кара, возмездие» [8, Т. IX, с. 585]. В данном контексте речь идет об описании появления шаман-дерева, которое якуты в равной степени почитали и не меньше боялись. Автор наделяет дерево божественными, священными свойствами, характерными для сверхъестественного существа или предмета. В связи с этим якуты преподносили различные яства, приношения дереву и совершали священные обряды, чтобы задобрить духа, живущего в нем. Таким образом, данная лексема образована по признаку метафорической номинации. В ходе анализа олонхо нами были найдены упоминания о таких деревьях, представленных различными видами деревьев, например, лиственницей, сосной, елью и берёзой. В следующих примерах с номинацией *мас* использованы адъективы, описывающие непосредственно внешний вид деревьев, т. е. то какими они представлены в дикой природе, например: *тэнкэ мастаах* «имеющий большие высокие, стройные деревья» [8, Т. XI, с. 492], *уолах мас* «молодое дерево средней величины» [8, Т. XII, с. 198], *үтүө мас* «несущий благо, добро, благополучие» [8, Т. XII, с. 570], *бараммат мастаах* «без конца, без края» [8, Т. II, с. 205] и *арыы наннал мастаах* «отдельно растущий лесок посреди поляны» [8, Т. I, с. 580]. Стилистическая окрас-

ка данных номинаций имеет положительную коннотацию, связанную с экспликацией образа молодого, зеленого дерева с пышной кроной.

Номинации деревьев

Название хвойного дерева – лиственницы представлено одной номинацией в тексте олонхо *тиит*, заимствованной из тюркского *тат*. Лиственница издревле почиталась якутами, и они верили в ее небесную силу. Шаманы очень часто использовали дерево во время своих обрядов, считалось, что дым от ее горящих веток отгоняет злых духов. В связи с этим частотность употребления данной номинации в тексте олонхо «Ала-Булкун» объясняется почитанием и особым отношением якутов к хвойному дереву. В ходе анализа текста народного эпоса выявлено использование данной однокомпонентной номинации в количестве 25 раз. Фитоним лиственница является наиболее употребительным, так, лексема *тиит* встречается в тексте с 14 различными прилагательными и существительными, образующими именные, а также субстантивные словосочетания. Автор произведения использует фитоним *тиит* для живописного описания якутской природы, показывая величавость и силу дерева, например:

Тобус уон тобус тонг толомон тиит
тулаһыннаах,
Силигириэ диэн, изгэдьийиэ диэн
Сэттэ уон сэттэ силиргэхтээх
Тэргэн тиит тирээбиллээх [4, с. 9].

С девяносто девятью подпорками
из лиственницы крепкой,
Чтоб не покачнулось, не зашаталось,
С семьюдесятью семью подпорками могучими
Из лиственниц больших [9, с. 391-392].

Здесь, автор использует номинацию фитонима *тиит* в сочетании с адъективами *толомон* и *тэргэн*, обозначающими, согласно Большому толковому словарю якутского языка, «самый крупный, лучший, отборный» [8, Т. X, с. 438] и «большой, крупный» [8, Т. XI, с. 509]. Лиственница – это уникальное дерево, сбрасывающее хвою зимой, благодаря чему они приспособились к суровым климатическим условиям Якутии, где морозы зимой достигают -60°C. Вследствие своей устойчивости к морозу и неприхотливости лиственница широко распространена по всей территории Якутии, что также играет роль при ее описании в текстах олонхо. Этот факт свидетельствует о силе дерева, что для якутов, обожествлявших природу во всех ее проявлениях, также стало мотивом для причисления лиственницы к числу Ытык мас, т. е. дереву духов местности. Соответственно, упоминание о *тиит* в тексте олонхо говорит об особом отношении к нему, дерево пользовалось почетом и уважением у населения.

Так, номинации с фитокомпонентом *тиит*, использованные в олонхо «Ала-Булкун», можно охарактеризовать как описание могущества и силы, заключенного в ассоциативных связях, по отношению к дереву у якутов. Стилистическая окраска данных номинаций имеет положительную коннотацию, связанную с экспликацией громадности, крепкости, высоты, здоровья и молодости дерева. Например, *кутур тиит* «огромная, громадная лиственница» [8, Т. IV, с. 660], *баай тиит* «мощная, сильная лиственница» [8, Т. II, с. 59], *тэнкэ тиит* «имеющий большие высокие, стройные деревья» [8, Т. XI, с. 492], *уолах тиит* «молодое дерево средней величины» [8, Т. XII, с. 198], *чиргэл тиит* «крепкая, здоровая лиственница» [8, Т. XIV, с. 148], *арыы тиит* «растущий островком лиственничный лесок на поляне» [8, Т. I, с. 580]. Также в словаре якутского языка Э. К. Пекарского дается определение *уолах* на примере лиственницы «средняя лиственница» [7, Т. 2, с. 3033], что говорит об устойчивости употребления данной номинации непосредственно с лиственницей, реже с названиями других деревьев. В следующих примерах «Сэттэ кэньиэрдээх кэньийбит лэнкэ хара *тиитигэр*», «Тобус умсуордаах умсуйбут луоҕа хара *тиитигэр*» и «Силиргэхтээх *тиит* саҕа сиһим үөһүн быһанҕын» номинации лиственницы носят отрицательную коннотацию. *Лэнкэ хара тиит* обозначает «очень большая, черная, широкая лиственница» [8, Т. VI, с. 169], *луоҕа хара тиит* «сгнившая, утратившая свежесть лиственница» [8, Т. VI, с. 139] и *силиргэхтээх тиит* «дерево, вырванное с корневищем» [8, Т. VII, с. 391]. В олонхо они выражены посредством эпитета «черная лиственница», что подчеркивает темноту и мрачность описываемой сцены с проклятым деревом.

Номинация хвойного вечнозеленого дерева ель из семейства Сосновые выражено в якутском языке одной номинацией *харыйа*. Употребление данной однокомпонентной номинации

встречается в тексте олонхо 12 раз, в т. ч. в сочетании с адъективами *күөх*, *уолах*, *сатыы* и *сордоох*. Следующее предложение «Көмнөхтөөх күөх харыйа саба», в котором *көмнөхтөөх* обозначает «снег, осевший на ветвях деревьев и на кустах» [7, Т. 1, с. 2605], *күөх* «зеленый, как только что выросшая трава, как хвоя распутившейся лиственницы» [8, Т. V, с. 79], *саба* «равный, подобный, наподобие» [7, Т. 2, с. 2015], дословно переводится как ‘размером с зеленую осыпанную снегом ель’. Автор описывает ель посредством прямой номинации, т. е. согласно внешнему виду и состоянию на определенный момент времени. Благодаря фотосинтезу и участию в нем хлорофилла, ель остается зеленой круглый год. Так, в данном контексте конкретно не указывается о каком времени года идет речь, но благодаря адъективу *көмнөхтөөх* становится ясно, что действие происходит весной, либо зимой. В следующем примере:

<i>Баай ыал чаан олгуйун курдук алтан лахса</i>	Словно котел дымящийся семьи богатой,
<i>бастаах,</i>	С трехслойными перьями железными,
<i>Үс хос тимир чыллырым түүлээх,</i>	С крылами четырехслойными железными,
<i>Түөрт хос тимир дөлөкүүр кынаттаах,</i>	С когтями десятью
<i>Уон дьаангы хотуурун курдук уон дэгиэ</i>	Словно десять кос янских,
<i>тынгырахтаах,</i>	С хвостом огненным, словно ель молодая...
<i>Уолах харыйа курдук уот хобо</i>	[9, с. 492].
<i>кутуруктаах... [4, с. 31].</i>	

В данном отрывке олонхо описывается внешность абаасы уола (абааһы уола) с помощью различных языковых средств, таких как метафора, гипербола и эпитет. Так, в отрывке «Уолах харыйа курдук уот хобо кутуруктаах» *уолах* обозначает «молодое дерево средней величины» [8, Т. XII, с. 198], *курдук* «таким же образом, точно так» [7, Т. 1, с. 1247], *уот* «огонь, жар, пламя» [7, Т. 3, с. 3051], *хобо* «комочек на хвосте птицы, зверя» [7, Т. 3, с. 3428], *кутуруктаах* с основой *кутурук* «хвост у птицы, зверя» [7, Т. 1, с. 1270], что дословно переводится как ‘хвост с круглым кончиком, словно верхушка молодой ели’. Здесь автор сравнивает хвост абаасы уола с кончиком верхушки ели посредством эпитета.

Автор использует номинацию *харыйа* в предложении «Адьарай аймаба амнахтаах сатыы харыйа саба», где лексема *сатыы* обозначает «идущий пешком, пеший» [8, Т. VII, с. 325], в сочетании с фитонимом дословно переводится как ‘идущая пешком ель’. Так, номинация образована по принципу метафорического переноса, т. е. автор наделил дерево свойствами, присущими человеку. Следующий пример «Сордоох харыйа суулан түспүтүн курдук», в которой лексема *сордоох* согласно Большому толковому словарю якутского языка обозначает «причиняющий страдания, мучения; несчастный» [8, Т. VIII, с. 538] в сочетании с *харыйа* дословно переводится как ‘несчастливая ель’, что также является метафорой. Автор использовал данную номинацию в сцене появления абаасы уола и описал дерево пребывающим в состоянии несчастья, что характерно человеку, но не растению. Тем самым он передал читателю весь ужас данной сцены, что от вида абаасы уола даже деревья приходят в трепет, и всё его окружение тотчас угасает:

<i>Манна самабын туорайыттан үүнэн түспүт</i>	Подобно проклятой ели поваленной
<i>Сордоох харыйа суулан түспүтүн курдук</i>	Из промежности его выросшей
<i>Суодал хара сото сыыстаах эбит;</i>	С чёрной голенью безобразной, оказывается;
<i>Ол алын кырыытыгар эттэ мастаах</i>	На нижнем крае голени подобно лодке-шитик
<i>сиитик оночону... [4, с. 31].</i>	семь досок... [9, с. 405].

Таким образом, употребление фитонима *харыйа* в тексте носит как положительную, так и отрицательную коннотацию. Но в древности якуты считали ель – *кырыыс маһа*, т. е. использовали ее как дерево проклятий. Например, победивший род ставил вверх корнями большую ель, а верхушку дерева закапывали в землю, что расценивалось как триумф над проигравшим родом.

Название хвойного дерева – сосны имеет одну номинацию в якутском языке *бэс*, которая является однокомпонентной и по частоте употребления встречается в тексте олонхо «Ала-Булкун» один раз:

*Бэс күрдьэх мэтээллээх,
Кур күрдьэх куортуктаах,
Сэллик оѳус тыҥата аһылыктаах
Сири-саары дьүһүннээх...* [4, с. 27].

Медаль из деревянной лопаты,
Кортик из старой лопаты;
Бычье легкое чахоточное любит поестъ
С обликом невзрачным... [9, с. 472].

В данном контексте сосна упомянута в сочетании с двумя субстантивами *күрдьэх* ‘лопата’ + *мэтээллээх* ‘медаль’, что дословно переводится как ‘медаль в форме лопаты из сосны’. Фитоним образован по принципу прямой номинации, т. е. в данном случае сосна описана как материал, из которого сделана лопата. Сосна играла очень важную роль в жизни якутов и считалась одним из главных хозяйственных растений, а также название одного из наименований месяцев года носит название *бэс* – *бэс ыйа* и переводится как «месяц сосны» [11, с. 143]. В. Л. Сорошевский в своем труде «Якуты» писал, что в сосновых рощах всегда можно было найти массу ягод, а также там всегда водились животные и птицы. Якуты употребляли заболонь сосны вместо муки, что сыграло немалую роль в жизни якутского народа до знакомства с хлебом. Еще в 1950-х гг. тунгусы говорили, что там, где растет сосна, там и якуты [12, с. 60]. Исходя из этого можно предположить, что к пантеону почитаемых растений и деревьев якутов можно причислить сосну, наравне с лиственницей.

Название листопадного дерева березы из семейства берёзовые представлено в якутском языке одной номинацией *хатын*, данная лексема тюркского происхождения [13, с. 98]. Номинация упоминается в тексте олонхо три раза и по структуре является однокомпонентной. Автор использует номинацию *хатын* в описании местности, куда приходит Очуллаан Чочуллаан бухатыр посредством метафоры:

*Барбатах балык миинин курдук
Барык-сарык ыйдаах,
Муос буолунай буолактаах,
Таас талынай дьаарбаннаах,
Ирингэнэн ииктиир эриллэбэс тэтингнээх,
Хаанынан хаахтыыр хатыллаҕас хатыннаах,
Тиби тибэр чиргэл тииттээх* [4, с. 19].

С лунным светом сумрачным,
Словно недоваренная уха, оказывается,
С полями из костей,
С лугами из камней,
С осинами вьющимися с гноистыми ранами,
С березами колючими с кровотокающими ранами,
С большими лиственницами, сломанными
бурей [9, с. 661].

Так, отрывок «Хаанынан хаахтыыр хатыллаҕас *хатыннаах*», в которой лексема *хаанынан* обозначает «жидкость, текущая по венам и артериям человека» [8, Т. XIII, с. 107], *хаахтыыр* «покрывать что-либо, чем-либо, делать обложку» [8, Т. XIII, с. 486] и *хатыллаҕас* «закрученный, скрюченный; свилеватый (о дереве)» [8, Т. XIII, с. 471], интерпретируется как ‘покрытая кровью скрюченная берёза’. Номинация имеет негативную коннотацию и представлена в виде метафоры, т. к. автор образно покрывает кору дерева кровью, придавая драматичность описанию места, где обитает абаасы уола. Также в данной строке все слова начинаются с одной буквы *х*, что говорит об использовании такого приема, как тавтограмма, характерной для поэзии. В следующем примере «Хаанынан хаахтыыр татыллаҕас *хатыннаах* дойду», где повторяются две лексемы *хаанынан* и *хаахтыыр*, добавилась лексема *татыллаҕас*, заимствованная из тюркского языка с основой *татый*, что обозначает «иметь хороший, сладкий вкус» [7, Т. 3, с. 2605], дословно переводится как ‘берёзовый лес, где деревья покрыты кровью (сладкой на вкус)’. В данном случае номинация выражена посредством метафоры. Вероятно, автор употребил данный адъектив с фитонимом *хатын* в связи с тем, что так же, как и заболонь сосны, заболонь берёзы якуты употребляли в пищу в голодные времена. Помимо этого, сок берёзы обладает лекарственными и целительными свойствами. Также в тексте упоминается субстантивное словосочетание *хатын мас*, называющее собственно растение (дерево), дословно обозначает ‘берёзовое дерево’.

Якутская номинация берёзы встречается в тексте олонхо не так часто, как лиственница, которая зафиксирована нами три раза. Тем не менее, этот факт не преуменьшает ее значимости и ценности у якутов. Так, жители низовьев Индигирки, Яны, Колымы вывозили с верховьев рек берёзовые полозья для нарт и кору берёзы для посуды [12, с. 58]. Здесь также имеет место

культурная коннотация, т. к. берёза ассоциировалась у якутов со светом, чистотой и женственностью. Наряду с лиственницей *хатын* особо почиталась и тотемизировалась якутами, они называли ее *Ытык мас*, т. е. дерево духов местности.

Номинации травянистых растений

Наименование многолетнего травянистого растения из семейства Хвощовые – хвоща представлено одной номинацией в якутском языке *сиибиктэлээн*. Данная номинация является однокомпонентной с производной основой *сиибиктэ*, заимствованной из маньчжурского *сибе*. Согласно словарю якутского языка Э. К. Пекарского, лексема обозначает «хвощ-травя, которой полируют дерево и кость», а также «щипать хвощ-траву» [7, Т. 2, с. 2201]. В тексте олонхо «Ала-Булкун» хвощ упоминается один раз при описании коня Ала-Булкун богатыря. В данном контексте автор описывает лексему *сиибиктэлээн* посредством прямой номинации, т. е. конь стоит и щиплет хвощ-траву:

*Толбонноох курбунахтааба,
Сууяулабас ньуурдааба,
Сур дьабыл сонобоос атыыра,
Кингиниир кизн мабан халлаан
Сиэр сылгы сизэлээх-кутуругун
Силэйэ-бурайа бырахпыт курдук
Сиэрэй солко аартыгыттан илэ-бааччы
 сизэлэн дьигийһиэн түһэн,
Күндүл дьабыл дойду
Көнтөс көбүлүгэр сиибиктэлээн сии турам
[4, с. 9].*

С большим крупом сверкающим,
С лысиной белой на лбу,
С пятнами черными на лопатках,
[Спустившись с высокого неба]
По серой дороге шёлковой,
Словно гриву-хвост лошади статной
Раскинув-растянув, бросили
Рысью, землю сотрясая, спустившись,
Страны благодатной
На лоне цветущем мирно пасущейся
[9, с. 395-396].

Заключение

Таким образом, по результатам исследования в тексте олонхо «Ала-Булкун» было выявлено 8 номинаций фитонимов растений якутского языка. Общее количество упоминаний номинаций с фитонимами в тексте эпического произведения составляет 83, т. е. про дерево (28), лиственницу (25), ель (12), траву (5), берёзу (3), сосну (1) и хвощ (1). Фитонимы, представленные в олонхо, по своему составу являются односоставными, в сочетании с различными адъективами и субстантивами. В тексте олонхо встречается фитолексика, образованная посредством отражения признаков растения, через метафору, омонимию, гиперболу и сравнение, передающие сходство растений с каким-либо животным, человеком или явлением. Например, в описаниях лиственницы и ели автор использовал эпитеты: *лэнкэ хара тиит* «большая, черная лиственница», *луоба хара тиит* «сгнившая, черная лиственница» и *уолах харыйа курдук уот хобо кутуруктаах* «хвост с круглым кончиком, словно верхушка молодой ели». В последнем примере показано сравнение верхушки дерева с хвостом неопределенного животного или птицы, а в предыдущих собственно дерева. Также Тимофей Васильевич Захаров – Чээбий описывает в тексте олонхо семантическую общность названия трав, деревьев в якутском языке через различные метафоры: *таас хайа хооньугар тоһоһос от саба* «травы, растущая в пазухе каменной горы», *хаардаах булук саба, хагдан от саба тарайда* «увядшая, лежащая навзничь, раскинувшаяся, размером со снежную кучу сена трава» – траву сравнивают с лежащим человеком. Дерево: *сэттээх мас үөскээтэ и сэнкиллээх мас ууннэ* «зародилось карающее дерево», т. е. дерево наделено божественной силой. Ель: *самыы харыйа саба* «идущая пешком ель», *сордоох харыйа* «несчастливая ель», т. е. автор наделяет дерево свойствами, присущими человеку. Берёза: *хаанынан хаахтыыр хатыллабас хатыннаах* «покрытая кровью скрюченная берёза», *хаанынан хаахтыыр татыллабас хатыннаах дойду* «берёзовый лес, где деревья покрыты сладкой кровью». В первом примере с берёзой все слова в строке начинаются с одной буквы х, что говорит об использовании такого приема, как тавтограмма, характерной для поэзии.

В предложении «Кукаакы көтөр кутуруга булгу *ыстаммыт*, хоро *от* тосту *ыстаммыт*» с номинацией травы в якутском языке присутствует омонимия, так, в первой части предложения *ыстаммыт* обозначает ‘укушенный’ и во второй – ‘прыгнувший’. Во второй части предложе-

ния *хоро от тосту ыстаммыт* представлена метафора, где неодушевленному предмету даются свойства, характерные для животного или человека.

В отрывке олонхо с описанием общего названия ягоды «Алта унуохтаах *отонно* ууларыҥ» можно заметить гиперболизацию, которая в данном контексте описывает огромные размеры ягоды. Далее автор сравнивает определенный род якутов с ягодой, перезревшей до черноты, что также говорит об использовании гиперболизации в примере «Дойду уон икки биһин ууһун, уон икки уулаах *отонно* холуур буоларын».

Так, анализ наименований растений якутского языка позволил выявить различные устойчивые языковые формулы, присущие якутскому языку: *күөх от* ‘зеленая трава’, *күөх харыйа* ‘зелёная ель’, *тэнкэ мас* ‘высокие деревья’, *тэнкэ тиит* ‘высокая лиственница’, *уолах мас* ‘молодое дерево среднего размера’, *уолах тиит* ‘молодая лиственница среднего размера’, *хатыҥ мас* ‘берёза’.

Сказитель Т. В. Захаров – Чээбий описывает названия растений в тексте олонхо с нейтральной, положительной и отрицательной коннотацией в зависимости от контекста. Номинация травы в якутском языке представлена с нейтральной (1), положительной (1) и отрицательной коннотацией (2); деревья с нейтральной (5), положительной (5) и отрицательной (2); ягоды с отрицательной (2); лиственницы с нейтральной (4), положительной (6) и отрицательной (4); берёзы с положительной (1) и отрицательной (2); сосны с нейтральной (1); ели с нейтральной (2), положительной (1) и отрицательной (2); хвоща с нейтральной коннотацией (1). Названия растений, описанные в олонхо, характеризуют все богатство, уникальность и многообразие его языка. При помощи различных языковых средств автор описывает приключения героев и местность, где происходят события олонхо, придавая им эмоциональную окрашенность и экспрессивность. Например, там, где речь идет об отрицательных героях при их описании, автор посредством метафоры, гиперболы, либо других языковых приемов драматизирует ситуацию, чтобы у читателя сложилось определенное впечатление, отношение. В ходе исследования нами были изучены фитонимы с различной языковой, стилистической мотивированностью. Благодаря таким приемам язык олонхо становится более ярким, оживленным и выразительным.

Литература

1. Комарова З. И., Хасаншина Г. В. Латинизированный семантический метаязык агрономии как способ научной концептуализации и категоризации фрагмента действительности царства растений // Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности : материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность» (г. Екатеринбург, 14-16 апреля 2004 г.). – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 27-43.
2. Малышева Н. В., Захаров Х. А. Якутская лексика лекарственных растений с компонентом «от» : структурно-семантическая особенность // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. – 2019. – № 6. – С. 123-135. – DOI : 10.25587/SVFU.2019.74.44576.
3. Малышева Н. В., Чирикова Н. К., Захаров Х. А. Некоторые способы образования двухэлементных наименований лекарственных растений в якутском языке (на примере тысячелистника и полыни) // Вестник Российского нового университета. Серия : Человек в современном мире. – 2019. – № 3. – С. 80-86.
4. Захаров Т. В. – Чээбий. Ала-Булкун : Якутское олонхо / зап. В. Н. Васильева ; подг. текста Э. К. Пекарского, Н. В. Емельянова ; пер. Г. В. Баишева – Алтан Сарын. – Якутск : Сахаполиграфиздат, 1994. – 104 с. – (Образцы народной литературы якутов. Вып. 2). (На якутском и русс. яз.)
5. Слепцов П. А. Трактровка литературоведами и фольклористами олонхо П. А. Ойунского «Дьулуруйар Ньургун Боотур». Проблема аутентичности текста традиционного олонхо // Ступени и проблемы якутского языкознания. – Якутск : ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – С. 354-359.
6. Древнетюркский словарь / Ред. : В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев и др. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 373 с.
7. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. I-III. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959. – Т. I. – 1280 стлб. ; Т. II. – 2508 стлб. ; Т. III. – 3858 стлб.

8. Толковый словарь якутского языка. Т. 4-10 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2007-2016.
9. Ала-Булкун богатырь / [олонхосут Т. В. Захаров – Чээбий ; составители В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова]. – Якутск : Алаас, 2018. – 520 с. (На якутском и русс. яз.)
10. Гоголева П. А., Стручкова С. Г., Федорова Е. Д. Растения аласов : карманный определитель растений : [альбом]. – Якутск : [б. и.], 2016. – 32 с.
11. Нестерович А. С., Егорова К. Г. Семантическая характеристика фитонимов (на примере якутских и корейских лекарственных растений) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11-3 (77). – С. 143-145.
12. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 1993. – 736 с.
13. Васильев И. Ю. Семантическая характеристика фитонимов в якутско-турецких лексических параллелях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-3 (78). – С. 98-100.

References

1. Komarova Z. I., Khasanshina G. V. *Latinizirovannyi semanticheskii metayazyk agronomii kak sposob nauchnoi kontseptualizatsii i kategorizatsii fragmenta deistvitel'nosti tsarstva rastenii* [Latinized semantic metalanguage of agronomy as a way of scientific conceptualization and categorization of a fragment of the reality of the plant kingdom]. In: *Problemy yazykovoi kontseptualizatsii i kategorizatsii deistvitel'nosti: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii "Yazyk. Sistema. Lichnost"* (g. Ekaterinburg, 14-16 aprelya 2004 g.) [Problems of language conceptualization and categorization of reality. Materials of the Russian Scientific Conference "Language. System. Personality" (Ekaterinburg, April 14-16, 2004)]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta, 2004, pp. 27-43. (In Russ.)
2. Malysheva N. V., Zakharov Kh. A. *Yakutskaya leksika lekarstvennykh rastenii s komponentom "ot": strukturno-semanticheskaya osobennost'* [Yakut vocabulary of medical plants with "ot" component: structural and semantic characteristic]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova* [Vestnik of North-Eastern Federal University]. 2019, No. 6, pp. 123-135. DOI: 10.25587/SVFU.2019.74.44576. (In Russ.)
3. Malysheva N. V., Chirikova N. K., Zakharov Kh. A. *Nekotorye sposoby obrazovaniya dvukhelementnykh naimenovanii lekarstvennykh rastenii v yakutskom yazyke (na primere tysyachelistnika i polyni)* [Ways of formation of two-part names of medicinal plants in the yakut language (in terms of yarrow and wormwood)]. In: *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire* [Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World]. 2019, No 3, pp. 80-86. (In Russ.)
4. Zakharov T. V. – Cheebii. *Ala-Bulkun: Yakutskoe olonkho* [Ala-Bulkun: Yakut olonkho]. Zap. V. N. Vasil'eva. Podg. teksta E. K. Pekarskogo, N. V. Emel'yanova. Per. G. V. Baisheva – Altan Saryn. Yakutsk, Sakhapoligrafizdat, 1994, 104 p. (*Obraztsy narodnoi literatury yakutov. Vyp. 2* [Samples of folk literature of the Yakuts. Iss. 2]). (In Yakut and Russ.)
5. Sleptsov P. A. *Traktovka literaturovedami i fol'kloristami olonkho P. A. Oiunskogo "D'uluruiar N'urgun Bootur"*. *Problema autentichnosti teksta traditsionnogo olonkho* [Interpretation by literary scholars and folklorists olonkho P. A. Oyunsky "Nyurgun Bootur the Swift". The problem of authenticity of the text of traditional olonkho]. In: *Stupeni i problemy yakutskogo yazykoznaniya* [Steps and problems of Yakut linguistics]. Yakutsk, IGIIPMNS SO RAN, 2008, pp. 354-359. (In Russ.)
6. *Drevnyetyurkskii slovar'* [Old Turkic dictionary]. Red.: V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev I dr. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1969, 373 p.
7. Pekarskii E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka. T. I-III* [Dictionary of the Yakut language. Vol. 1-3]. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1959, Vol. I, 1280 col.; Vol. II, 2508 col.; Vol. III, 3858 col.
8. *Tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka. T. 4-10* [The Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. Vol. 4-10]. Pod red P. A. Sleptsova. Novosibirsk, Nauka, 2007-2016.
9. *Ala-Bulkun bogatyr'* [Hero Ala-Bulkun]. Olonkhosut T. V. Zakharov – Cheebii. Sost. V. V. Illarionov, T. V. Illarionova. Yakutsk, Alaas, 2018, 520 p. (In Yakut and Russ.)
10. Gogoleva P. A., Struchkova S. G., Fedorova E. D. *Rasteniya alasov: karmannyi opredelitel' rastenii: al'bom* [Alas plants: pocket determinant of plants: album]. Yakutsk, 2016, 32 p. (In Russ.)

11. Nesterovich A. S., Egorova K. G. *Semanticheskaya kharakteristika fitonimov (na primere yakutskikh i koreiskikh lekarstvennykh rastenii)* [The semantic characteristic of phytonyms (on the example of the Yakut and Korean medicinal plants)]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2017, No. 11-3 (77), pp. 143-145. (In Russ.)
12. Seroshevskii V. L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [The Yakuts. The experience of ethnographic research]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 1993, 736 p. (In Russ.)
13. Vasil'ev I. Yu. *Semanticheskaya kharakteristika fitonimov v yakutsko-turetskikh leksicheskikh parallelyakh* [The semantic characteristic of phytonyms in the Yakut-Turkish lexical parallels]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2017, No. 12-3 (78), pp. 98-100. (In Russ.)